

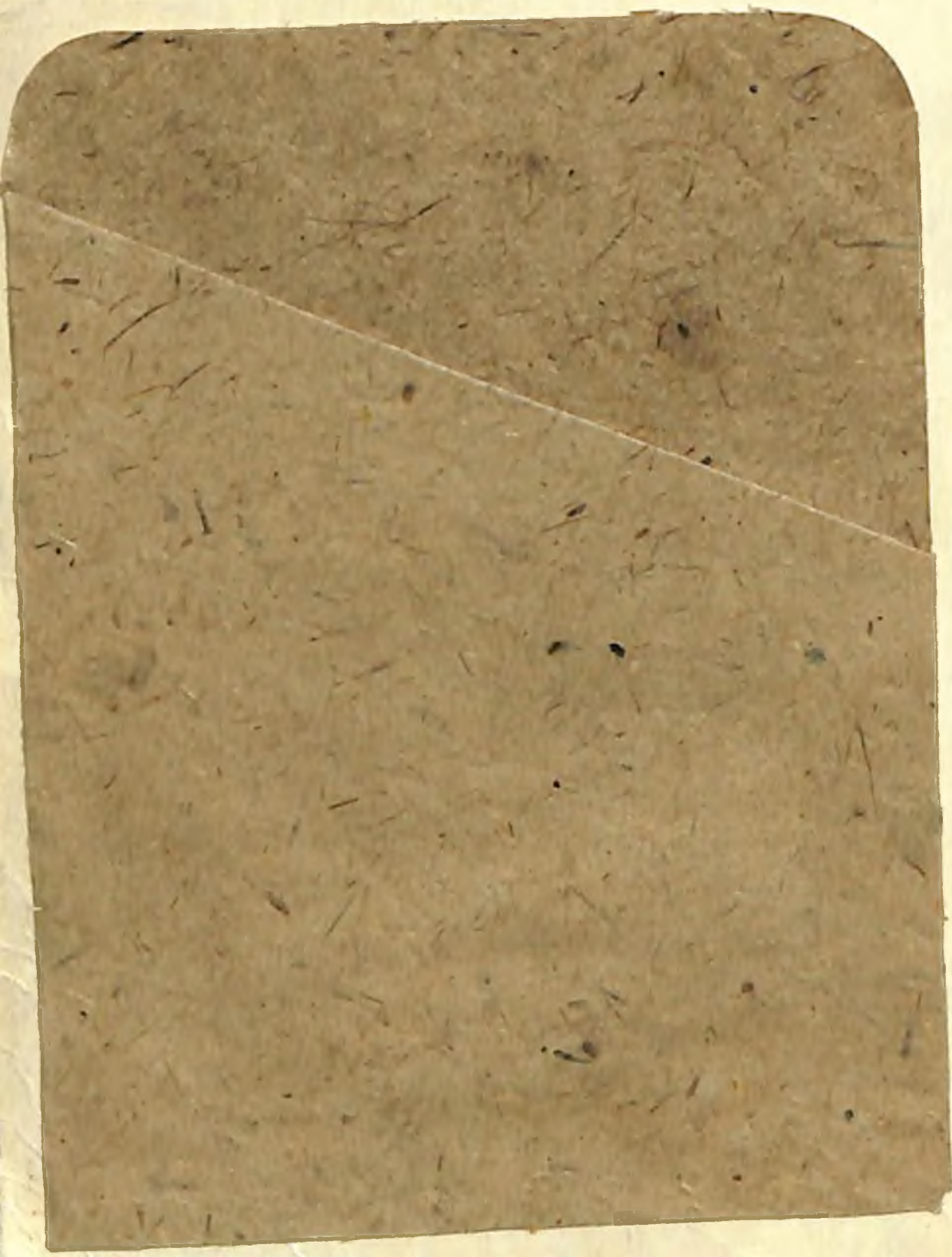
84(2=632.1/6
У 435

**БОРИС
УКАЧИН**

**З
ЕМЛЯ
СИНЕГО
НЕБА**

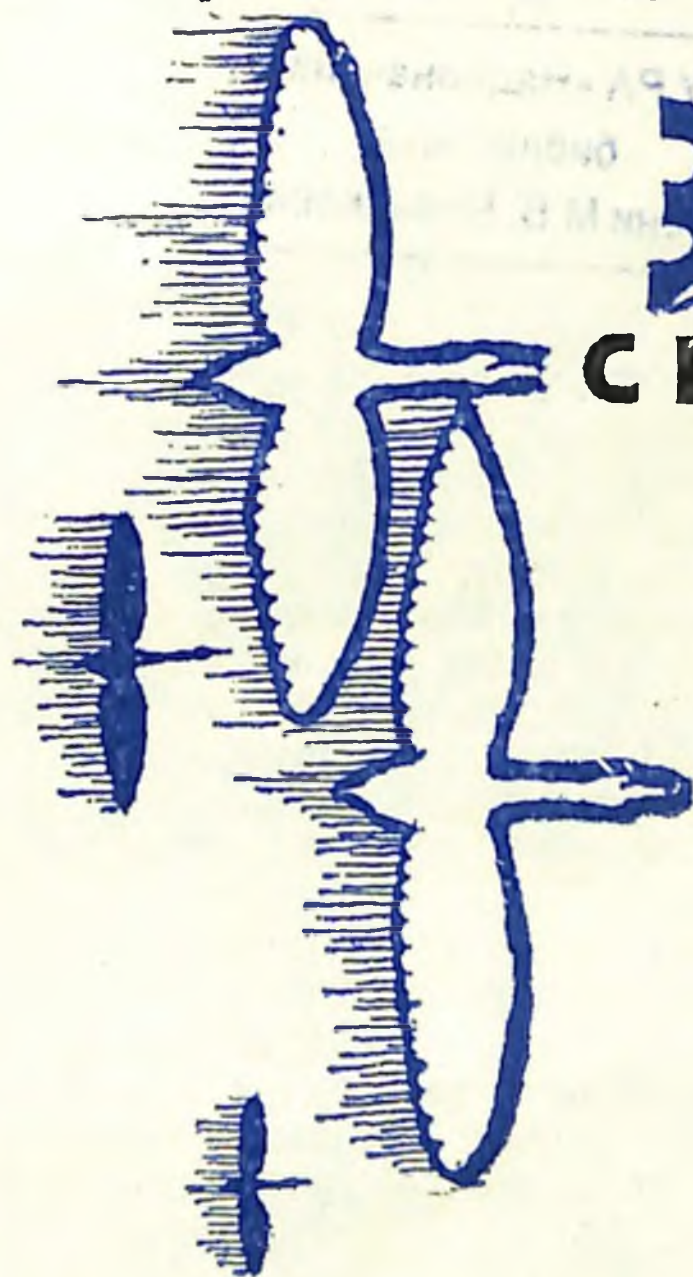
СП

Ch

Б о р и с У к а ч и н

**З Е М Л Я
С И Н Е Г О
Н Е Б А**

С Т И Х И

*Перевод
с алтайского
Бориса
Слуцкого*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ
М О С К В А 1 9 7 0

84/2-632.1/6-5

С(Спб) 2
У 43 5

607451 Z

БУ РА «Национальная
библиотека
имени М.В. Чевалкова»

Борис Укачин родился в Горном Алтае — в горном селении Каярлык сказочной красоты. До того, как стать профессиональным поэтом, Б. Укачин был крестьянином, табунщиком, служил в армии, учился.

Первая книга стихов вышла в свет в 1960 году. С тех пор у поэта вышло семь сборников на алтайском и русском языках. Стихи Б. Укачина печатались в газетах: «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Огонек», «Сибирские огни».

В сборник «Земля синего неба» вошли лучшие стихи Укачина последних лет. Поэт стремится показать современную жизнь родного края, познакомить читателя с обликом алтайца — пастуха и интеллигента, передать сложную духовную жизнь своего героя, его любовь к родине и природе.

Художник В. Е. ОФФМАН

7-4-3

278—70

24. 03. 2022

ДЕНЬ ПАСТУХА

Сегодня ликует

далекый аймак!

Оттуда, где осенью

буйно маралы трубят,

Сегодня

спускаются парни

на лютых конях,

И запахи солнца и сна

исходят от этих ребят.

И девушки едут,
как летние звезды
юны,
А бронзоволицые парни,
как снежные барсы,
сильны.

Без счета
подковок
они истоптали стальных,
Сапог
износили за лето они
без числа.

И вот они едут,
омытые в тех родниках ледяных,
В которых зимой
по ночам
омывают планеты
тела.

Они понимают
язык и обычай скал,
Они вам расскажут природу,
предскажут погоду,
И каждый из них,
кто траву
посочней и погуще
под небом искал

И облачный клочок
за собою таскал,
Сюда не спускался по году.
Сегодня их праздник!
Сегодня им честь воздадим!

Но вот они едут!
 Скорее дорогу дадим,
За стол пастухов
 на почетное место усадим
И рядышком сядем.
И вот уже древние,
 словно земля,
 старики
Шумят и галдят
 неподобие горной реки:
— Наш колхоз победит!
— Нет, наш!
— У нашего колхоза аргамачи лучше! —
И, сбросивши шапки из облака,
 дальние горы
Внимательно слушают те разговоры.
А рядом
 шумят силачи,
 не стихает игра
И рвется,
 трещина под ногами, земная кора!
А вот — автолавки в людском окружении,
И деньги шуршат,
 словно листья осенние
 или травы весенние.
Идет состязанье острот:
 изоштраются остряки,
Чей старше рождения год,
 соревнуются старики,
А также,
 кто больше кумыса выпьет

И в цель
 кто больше выбьет.
День пастуха,
 День пастуха,
Веселый праздник День пастуха:
Песни и скачки и разговоры.
Пели и пили парни с гор,
С восхода солнца —
 им снова в горы.
...Сегодня от имени всех,
 кто в степях, в горах, в лесах,
Прошу товарищей тех,
 кто работает в календарях:
Пусть трудовые братья —
 праздники труда и веселья
Примут в свои объятия, справят новоселье
Нового праздника — Дня пастуха!

Кош-Агач, 1964

ДОЧЬ ЧАБАНА

— Ты откуда явилась
На белый свет?
Нежней цветка,
Свежей ветерка,
То ли ты русалка — чудо речное,
То ли эхо лесное?

— Нет, я дочь чабана,
Мое имя — Чачак,

А у племени нашего имя — кыпчак.
Я алтайская девушка,
Дочь чабана...
— Ты, наверное, с синего неба
Сошла.

Ты русалкой, наверное,
В синей речке была.
Твои волосы —
Легкие тени ветров.
В твоём голосе —
Шепоты звездных миров.

— Я обычная девушка,
 дочь чабана,
Но росла я у небом укрытых вершин
И со мной лунной ночью плескалась луна
По алтайским озерам глубоким, большим.
— Чьей звездой ты, красавица, станешь?
Чье ты счастье составишь?..

— Нет, я мамина дочь,
И ничья не звезда,
И я дома не брошу,
Не уйду никуда.
А зовут меня Кисточка, по-алтайски — Чачак.
А у племени нашего имя — кыпчак.

МОЯ РОДИНА

Откуда я родом?

Из весны.

Поля распарены, утомлены.

Пар валит со спины
земли.

Каждый росток, корешок,
как жила — кровь,

набирает сок.

Набрали — и вверх пошли.
Слабенькая — едва жива — трава
пробьется на белый свет.
Ее потрясет небес синева.
Ей солнце пошлет привет.
Кудрявые ягнята,
длинноногие жеребята
по-своему тоже очень рады:
делают первые в жизни шаги.
Можно всегда заржать: «Помоги!»
или проблеять: «Помоги!»
Озабоченные матери рядом,
на сочной траве под солнечным взглядом.
Солнце светит.
Травы сочны.
Откуда я родом?
Из весны.

Нет,
я все-таки родом из лета.
Скот благоденствует,
люди довольны,
знают, кормов будет довольно
и скоту на джейлау привольно.
Овца блеет.
Гора зеленеет.
Конь ржет.
Солнце жжет.
А люди поют песни.
На дальних стоянках — запах молока
и чуть заметный дух кизяка.

Огромные чаши с айраном¹ стоят,
щемящие запахи трав таят.
Конечно,
моя родина — это
такое вот лето!..

И все-таки родом я из осени.
Навыюченные грузовики
медленным цугом
движутся друг за другом.
Тракт, как пояс,
стянул хребты.
По кольцам тракта
вдоль высоты
машины
с утра до утра
сигналят.
Шоферы
отдыха
не знают.
Уже в осенних ливнях
тоскуют о лете лога
и кое-где в долинах
чернеют стога.
Пастухи, оседлав лошадей,
посадив
за спину
своих детей,
спускаются с гор,

¹ А й р а н — квашеное молоко.

переваливают перевалы,
белопенные реки переходят вброд.
Это путешествие их приведет
в деревню.

Пастух сыновей в школу сдает
и тем же путем домой идет.

На новых кошмах

возле юрт

сидит деревенских старушек гурт:
проводят журавлиный косяк,
слабыми руками машут вслед,
кричат: «Элем-селем!

Элем-селем!»

И обсуждают так и сяк,
что бабьего лета больше нет,
прошло совсем,
ушло совсем,
осталось за дальним поворотом.

Конечно,

я из осени родом!

Нет, только зима, она одна —
родина.

Травы спят.

Необычайно сини небеса,
а горы белы с вершин до пят.

Горы белы,

а поля белей.

Следы зверей видны вдалеке:
сказки зверей,
ногами зверей
написанные на зверином языке.

С кручи вниз

мимо меня

мчится лыжня.

Куда, интересно, мчится она?

У белой горы

белая спина.

На ней растянулась тишина

и заснула.

Если закашляюсь,

если чихну,—

обязательно вспугну тишину.

Но пока она висит на ветвях,

в снегах ее жилье.

Слышишь ее вздох,

ее шорох,

звяк,

неслышимость ее.

Даже выстрел ее не разбудит,

не вытащит из-под сна:

кажется,

была, есть и будет

одна тишина.

Только с кручи вниз

мимо меня

летит лыжня.

А рядом — вторая лыжня.

Лети же и скорость набирай.

Только зима — мой родимый край!

Моя родина — мои шаги

от зимы до зимы.

от весны до весны.
Моя родина —
мой стих.
Читайте!
Вот они.

★ ★ ★

Во сне
Я много раз умирал
И всех родных
И друзей собирал.

Губы шевелились едва-едва,
И падала теплая слеза,
И падали теплые слова
На мои холодные глаза.

Бледный свет чуть трепетал —
Лампадный огонек,
А я лежал в гробу и читал
Свой собственный некролог.

И шли поезда
по моей груди,
Составы текли рекой,
И кто-то
далеко позади
Махал из окна рукой.

И вновь собирались ко мне друзья,
И сестры,
и сыновья,
И мать моя,
и жена моя,
И радовался я:

Ну что плохого в смерти моей?
Ну кто бы подумать мог:
Лучше рецензий и статей
Газетный некролог!..

В сущности, приятный сон:
Всех родственников поглядел...
Утром, только кончился он,
Я за столом сидел.

Рассказывал детали жене,
Потом на работу спешил,
И мысли бежали, бежали ко мне,
Выбивались из сил.

1968

ОСЕНЬЮ

Слышу топот белого конька:

Скачет, мчится

колышка вокруг.

Крыльями сшибая облака,

Журавли кричат,

Летят на юг.

Конь услышал журавлиный крик

И остановил свой бег на миг.

Может, вспомнил косяки в горах
 И травы не рвет,
 Грустит о них?

Почему он замедляет бег?
Почему он рикет, когда вдали
Крыльями замашут журавли?
Может, он грустит, как человек?

**Слышу топот белого конька:
Скачет, мчится, травы шевеля.
Под его копытами,
легка,
Вкруг оси вращается земля.**

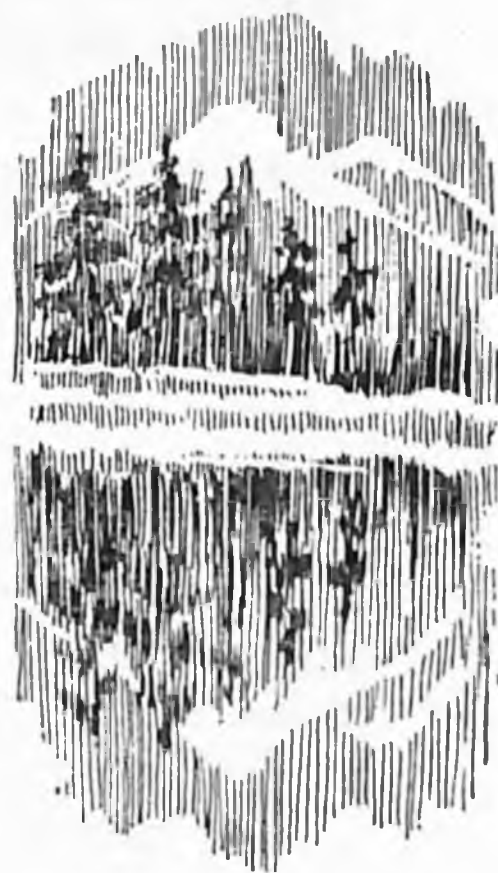
Прежде чем с кола сорвется конь —
Журавли далеко улетят.
Прежде чем земля сойдет с оси —
Далеко уйдет наш род людской.

Останавливает конь свой бег
И не кружится вокруг кола:
До него,
До гор,
До дол,
До всех
Музыка осенняя дошла.

Тайна осени,
Ее напев,
Музыка осенняя дошла.
Останавливается, приемирев,

А потом — опять вокруг кола
Белый конь.
Над нами журавли
Боль свою несут, роняют крик.
То ли хочет с ними улететь?
То ли просто провожает их?

1967

ЖИЛ-БЫЛ СТАРИК

В моей деревне жил старик.
Сколько помню себя, он был стариком,
Седым как дым.
И я постепенно к мысли привык
(А также все, кто был с ним знаком),
Что он и не был молодым,
Всегда был стариком...

Он совсем не умел читать
И даже до десяти считать,
Но вся округа,

весь район

Уважали его весь век
И были уверены, что он —
Удивительный человек.

Сколько в точности лет ему,
Было не ведомо никому,
Да он и сам не знал.
Говорил,

что родился

в год Кабана,

А когда он был,

этот год Кабана,—

Никто не знал.

Он любил коней,

И знал коней,

И рассудил,

что ему верней

И солнечным летом,

И в зимней мгле

Как можно реже бывать на селе,

Что лучше ему

проживать в горах

При больших табунах.

Конечно, старик не бывал в Москве,

Но верил всей душой,

Что Москва это тоже Алтай,

Только самый большой.

Конечно, Ленина не видел он
Ни разу,
но был убежден,
Что если объехать
весь белый свет,
Умнее Ленина человека нет
И старше — тоже нет.
Конечно, счет не дался ему,
Старику,
но даже в зимнюю тьму
Не пропадала ни одна
Лошадь
из табуна.
Сколько бы старый ни валил
Кедровых шишек в мешок —
Поровну между внучат делил
И ошибиться не мог.

...Там, где вершина Маргалу,
Растет мохнатый кедр,
А под кедром стоял шалаш —
Он стоит и сейчас.
Прошлым летом в том шалаше
Умер добрый дед.
Одиноко, без друзей,
Встретил смертный час.
Нет,
не так!
Его охраняли кедры гордые,
Шептались о нем
с Алтаем родным.

Любимый конь

угрюмую морду

В тоске и печали

склонил над ним.

Как будто бы ничего не случилось,

Птицы

продолжали переговоры.

Как будто бы ничего не случилось,

Ручьи звенели с гор.

Быть может, и в самом деле

Не произошла беда

И старик заснул в постели,

Как засыпал всегда,

Как сто лет назад,

Как пятьдесят,—

Старики ведь крепко спят.

Быть может, заржет кобыла,

Отставшая от табуна,

И старик, как прежде было,

Восстанет ото сна,

Поедет по перевалам,

Чтобы найти и спасти,

Как будто не умирал он,

Как будто не кончил пути.

Мама, у каждого человека
Кроме родной страны
Есть родная эпоха.
В эпоху великих войн
Среди солдат рождаются великие полководцы.
А когда люди
Покорствуют природе
Или горят в пожаре любви
И томятся от любовного яда,
Из них иногда выходят поэты.

Мама, время
Делает человека человеком,
Формует его характер.
В моем сердце
Сложнейший из веков: двадцатый.
Поэтому я
То нежен,
То нервен.

Мама, у меня и во дворе и в сердце
Сложнейший из веков: двадцатый.
Как же мне не шагать с ним в ногу?
Как же мне не дышать его ветром?
Мама, человека лепит время...

Я падал много раз:
То споткнешься на ходу,
То поскользнешься на льду,
То наткнешься на беду.
Я падал много раз.
Благословляю те места,
Где падал много раз.

Мама, время
Делает человека человеком,
Формует его характер.
В моем сердце
Сложнейший из веков: двадцатый.
Поэтому я
То нежен,
То нервен.

Мама, у меня и во дворе и в сердце
Сложнейший из веков: двадцатый.
Как же мне не шагать с ним в ногу?
Как же мне не дышать его ветром?
Мама, человека лепит время...

Я падал много раз:
То споткнешься на ходу,
То поскользнешься на льду,
То наткнешься на беду.
Я падал много раз.
Благословляю те места,
Где падал много раз.

Я плакал много раз:
То мама грудь не давала мне,
То я ее ждал в чужой стороне.
От большого горя рыдал,
От большой радости тоже рыдал.
Словом, я плакал много раз.
Благословляю те места,
Где я плакал много раз.

Еще немало я проживу.
Падать и ушибаться буду.
Вставать и подниматься буду.
Возмущаться буду.
Восхищаться буду.
Еще немало я проживу.
Благословляю те места,
Где дорога моя пролегла.

СВЕТИ

Эту ночь я проспал
высоко в облаках.

Мое ложе — гора.

Грудь мою
переполнили

ветры тайги до утра.

До утра

шелестела трава о себе
и деревья рассказывали о себе,
о звериных делах и о птичьих делах.

До утра

сказки сказывались,

до утра.

Эту сказку нигде никогда не слыхала еще детвора.

Где-то рядом мой конь

до утра хрумкал травы свои.

И уздечка его

мне отделкой напомнила спинку змеи.

Были волки в округе,

но я беспечально заснул,

Потому что великие горы

не снимали всю ночь караул.

Никогда я так долго не спал

и так сладко не спал.

Никогда таким легким себя я не знал,

таким бодрым не знал.

Голубой парус неба

раздулся во всю широту.

Я прошелся, размялся,

позвонки ломая хребту.

Подо мною внизу

далеко-далеко от меня

Юным небом умылись

молоденькие зелены.

По логам и оврагам,

а их без числа на Алтае,

Пробегали бесчисленные реки Алтая,

шумя и болтая,

Шумным стадом спускались,

синели, как вены.

В этот миг возросли мои силы

внезапно, необыкновенно.

Захотелось мне так
 рассмеяться,
 расхохотаться,
Чтоб гора за горою
 качнулись
 и стали шататься.
До конца
 в ликование
 я бы стоял на своем,
Чтобы горные реки
 ввысь брызнули
 светлым дождем.
Даже солнце,
 зерна счастья
 посеявшее для меня,
Показалось мне птицей,
 очень маленькой,
 слепленной из огня.
И словами поэта
 я крикнул ему,
 что есть силы:
Бейся, красное сердце мое,
 свети, огневое светило!

**ЖЕНЩИНА
ЖДЕТ РЕБЕНКА**

Земля широка, земля зелена.
Над разнотравьем и многоцветьем
Дремлет отяжелевшее лето,
Бьет в ноздри
Запахом трав, родным и чудным.

Постелил узоры кошмы, близ юрты
Сидела молодая пастушка,

Что-то пела и что-то шила.
В глазах — ожиданье, забота, тревога,
Тайная грусть и тихое счастье.

Июнь, покачиваясь в воздухе,
Неторопливо ласкал природу
И карабкался все дальше и выше
В глушь тайги и в снега хребта.

Девушка почему-то застеснялась.
Меня заприметив,
Быстро спрятала то, что шила.
Знаете наших девушек!
Убрала пеленки и рубашонку,
Приданое будущего ребенка,—
Смутилась парня.

Огромное зеленое лето
Разбило стоянку на Алтае.
Острия хребтов режут на части
Синее небо.
Горы уходят в бесконечность.

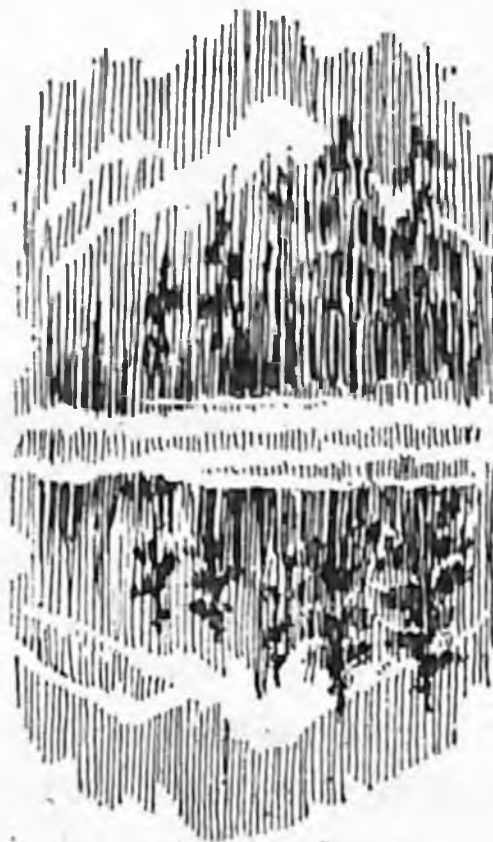
Скоро взглянет на солнце
Своими бесчисленными глазами
Дикая смородина — до чего глазаستا!
Скоро нальется кислотою
Приземистая кислица.
Темно-голубые шишки
Повиснут как пчелы,
Впившись в могучие лапы кедра.

Моя земля свергла иго
Льда и снега.
Ее заласкали солнце и лето.
Она утопает в травах.
Она тяжело дышит,
Словно сытая корова.
Наверно, она замечталась
О плодах и злаках,
Которые зреют и скоро созреют
В просторах полей и теснине чащобы.

Пастушка ожидает ребенка.
Черные глаза лучатся.
В быстрых пальцах
Иголка балует с блестками солнца.
Пастушка — в объятьях зеленого лета.
Они закутались в синее небо.

...Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я впервые заметил,
Что земля и человек — похожи.
Оба — добрые.
Оба — щедрые.
Оба — красивые.
Я это понял и навсегда запомнил.
Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я понял,
Что человек ждет хорошего,

И поэтому счастлив,
И поэтому,
Поскольку он прав, ожидая хорошего,
Он и есть разум земли.

**РАЗГОВОР
С СЕРДЦЕМ**

В. Чичинову

— Сколько лет тебе, сердце?

— Тридцать.

— Тридцать лет еще станешь биться?

— Буду биться,
буду сражаться,
на большие дела решаться,
буду кровью живой орошаться,
и с погибшим другом прощаться,

и с дороги домой возвращаться,
чтобы в новую драку вмешаться.

— Если время мое
горячо, высоко,
пусть и сердце мое
проживет нелегко.

— Сердце,
плакать уже
приходилось тебе

и беда
прокатилась уже по тебе?

— Да, я плакало не раз,
да, я криком кричало,
да, я криком кричало,
но и тигром рычало!

— Носох странника
я тебе, сердце, вручу,
жизнь тебе покажу
и со смертью столкну.

— Если встретится смерть,
я в глаза ей взгляну
и шататься по нашим шоссе отучу.

Буду жить ей назло
и гореть ей назло,
делать так,
чтобы нам, а не ей повезло.

Подлецу уступать не желаю пути.
Не захочет он с нашей дороги сойти,
отшвырну!

Пусть он скажет:

«Смотри, на куски разрублю»,
все равно ему не уступлю.

Есть и ярость во мне,
есть, конечно, и месть.
Доброты во мне больше,

поверьте мне, есть.

— А со счастьем ты, сердце, встречалось уже?
Новой встречи со счастьем ты ждешь?

— Как и ты, я со счастьем встречалось уже.
Новой встречи со мною ты ждешь.

Мы счастливыми были

не раз и не два.

Потеряв наше счастье едва,
в новый поиск за ним уходили
и его на пути находили.

За великое счастье

готовы в огне

хоть сегодня сгореть.

А на кущее счастье

тебе или мне

неохота смотреть.

— Сколько лет тебе, сердце?

— Тридцать.

— Нам еще поработать с тобой!

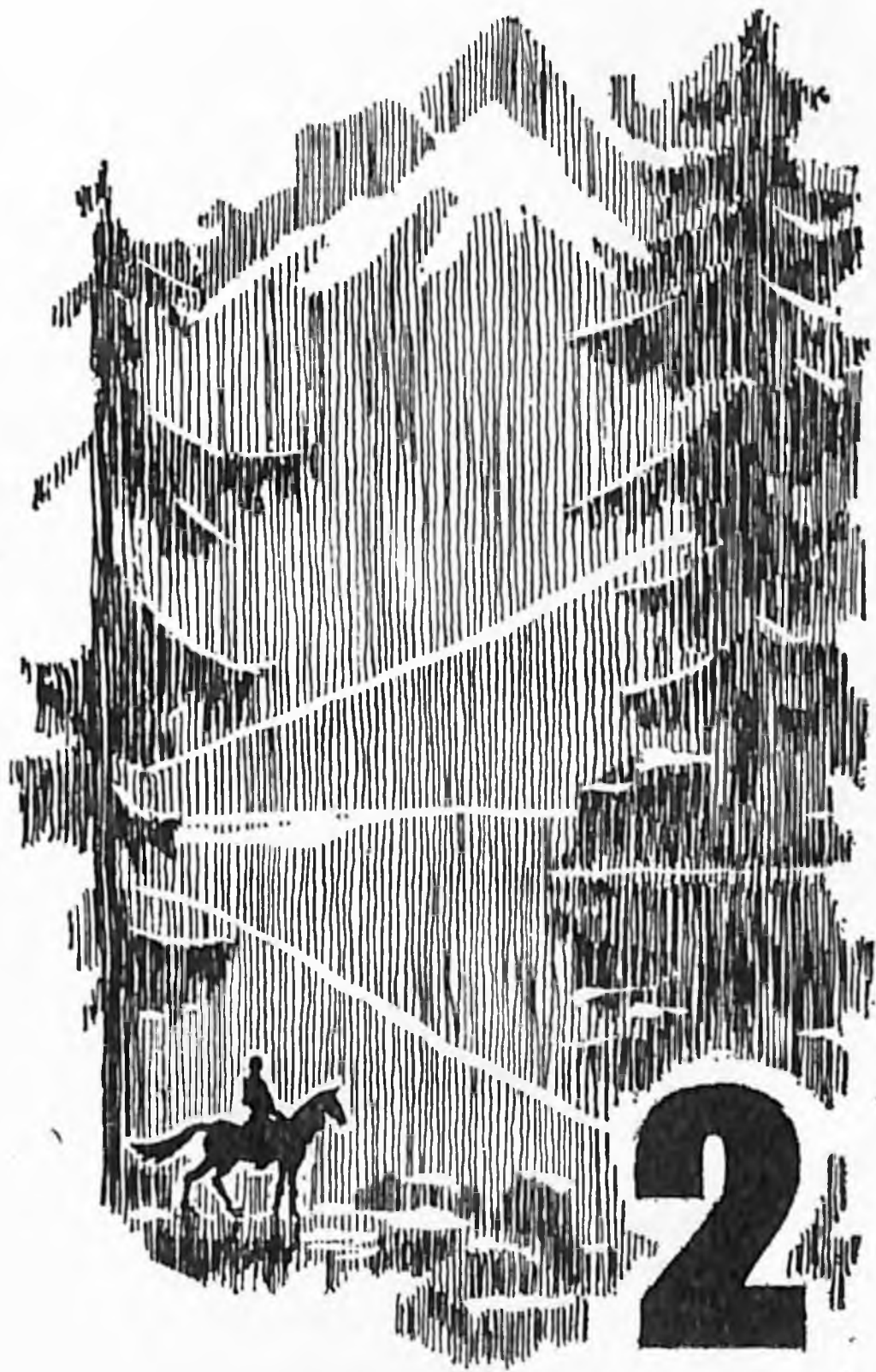
Будем вместе,

товарищ мой,

биться.

Ожидает нас

долгий бой!

**МЫЧИТ
БЕЛАЯ КОРОВА**

Слышу мычанье — и год забытый
шевелится в моем теле.
Ползут ко мне с зеленых джейлау
тягучие песни старухи Яичи.
...Белая корова, да, белая корова
тогда гремела над всем Алтаем.
У нее умер белый теленок.
Белое молоко струило вымя.
Несчастливая корова рыдала.

Старуха Янчи сделала чучело,
положила перед коровой,
стояла молча и смотрела.
Белая корова, не уставая,
гремела над всем Алтаем.
Вдруг она понюхала чучело
и начала лизать и лелеять
белое чучело, как живое.
Старуха Янчи подсела к корове
и запела.
Струя песни густой, тягучей
ударяла в землю.
(Может быть, и старуха хотела
смягчить горе коровы?
Может быть, она изливала
свое горе —
откуда понять мне, мальчишке?
Когда мычала белая корова,
черное горе рычало над миром —
такое тяжелое, что согнулись
плечи земли под этим грузом.)
Люди говорили,
что сыновья старухи
далеко-далеко, в какой-то «Войне»,
кровавом краю.
А где этот край,
откуда понять мне, мальчишке?
Песню, похожую на рыданье,
запевает старуха,
только сядет к своей корове.
Мычит белая, белая корова,
а красный, красный закат вечерний

дрожит, качается от мычанья.
«Если сыны мои будут живы,—
запевает старуха,—
будущей весной они вернутся,
когда золотыми голосами
кукушки запоют над весною».
...Много раз прилетали кукушки
и на ветвях качались.
Много раз уходило лето.
Но из кровавой страны «Война»
не возвратились сыновья старухи...
Слышу мычанье — и год забытый
шевелится в моем теле,
и давние песни старухи
проплывают сквозь долгие годы,
звенят печально и горько
и до меня доплывают.

ТЕМИТ, ТЕМИТ...

Милый брат мой,

мой друг,

Темит, Темит...

Был бы жив ты сейчас,

тебе стукнуло б тридцать сейчас

И твой сын,

может,

бегал бы

вместе с моим,

А ты сам на коне
прискакал бы ко мне
По долине родной,
именуемой Каярлыком,
Или просто пришел бы в гости ко мне
По росистой траве и по пыльной тропе,
Темит, Темит, Темит...

Все твои одноклассники
пережились уже,

Строят дома,
Растят детей,
Именуются родителями.

Твой друг

Эшов Олег

тоже женат.

Настоящим работником стал,
в райцентре живет.

В десять раз
красивее прежнего
наше село.

Наша жизнь — хороша,
Только плохо,
что ты не увидел ее!

Окна вспыхнут огнями,
как тысячи глаз,
А девчонки задразнят парней,
запоют про любовь.

Но в твоём одиноком доме
Одиноко вздохнет о тебе
твоя старая мать.

Ты спросил бы меня: «Что с сестрою теперь?»
Все в порядке у ней,
даже выучишься на врача.
Все в порядке, одно не в порядке —
это то, что нету тебя,
Темит, Темит!

Знаешь, я живу и учусь в Москве,
В той Москве,
где ты учился и жил
И которую ты полюбил.
Муки слова
по-прежнему мучат меня
И по-прежнему
пламя поэзии жжет.
Все иду.
Все пытаюсь высказать миру
свое.

По лиственной аллее иду.
Листья — красные — падают на меня.
Нынче осень в Москве
и, наверно, похожа на ту,

Когда ты
по этой аллее шагал
И мечтал про Алтай,
вспоминал, как добра твоя матушка.
Вот твоя академия.
Вот памятник Мичурину,
у которого станвал ты не раз.

В этом доме когда-то
 раздавались твои шаги.

Это эхо когда-то
 подхватывало твой смех.

А теперь здесь другие
 проходят, смеются, грустят —

Это наши студенты —
 молодая надежда земли.

Ты был тоже студентом,
Инженерами станут они.
 Как и ты.

Дома ждут их родители,
 как ждала тебя мать.

Нет надежней опоры
 для отцов и для матерей...

Говорят, что судьба это враки.
 Что мне ответить, Темит?

Двадцатипятилетним
 отец твой
 утонул в полых водах Кок-Су.

Безотцовщина, сиротой ты вырос, мой друг.
Хоть забыла про молодость смолоду мать,
Но тебя подняла,
 выучила тебя.

Говорят, что судьба это враки,
 но, как и отец,

Ты, Темит, утонул,
двадцатипятилетним
в той же самой весенней Кок-Су.

Мы стояли с тобой
на ее берегу.

Удивительно голубой
была весна.

— Это первая в жизни моей весна! —

Ты сказал, улыбаясь,
и вдаль поглядел

На высокое солнце,
на вспаханные поля

И на то, как дымилась, весной психодила земля.

Крепко ноги расставив,
стоял на весенней земле

Двадцатипятилетний Темит,
друг мой, брат, инженер молодой.

Двадцатипятилетний стоял ты тогда над водой,

А пятидесятилетним — не увижу тебя никогда.

Белозубо, доверчиво улыбался в то утро Темит.

Я улыбку твою вижу изредка только во сне.

Руки жмем друг другу
тоже не часто —

во сне...

Друг мой, брат мой,
Темит, Темит,

Ты зайди ко мне в сон

И зайди ко мне в дом.

Приходи, когда хочешь,

Почаще, Темит, заходи.

Для меня ты живой.

Был живой
и остался живой,
Друг мой первый
и вечный,
Темнот, Темнот.

РАССКАЗ ОХОТНИКА

Осень. Ночь.
В горных высях воздух чист.
Первый снег, тихо кружась,
Падает, как бабочки, в костер.
Я и охотник Амыр,
Расстелив потники,
Лежим у костра, греем бока.

Костер трещит. Скалы во тьме
Похожи на спящих сов...

О чем задумался, Амыр?
Молчит, хотя не спит.
— Где завтра охотиться будем мы?
Каких зверей увидим следы?
Ведь белки в теплых дуплах своих
Заснули крепким сном.

Осень. Ночь.
Давно я в этих горах не бывал.
Давно под открытым небом,
Под звездами не ночевал.
Вдруг
Дрогнула тьма.
Вскочил Амыр, и я — на ногах!
В протяжной темноте дерев
Послышался чей-то рев.
Бой идет.
Во тьме рычат.
Кустарники трещат.
Выстрела внезапный гром.
Это — Амыр. Потом — тишина.
Только тихий, тихий снег:
На осеннюю черноту
Падает первая белизна.
Амыр уселся на потник,
Поправляет костер головней,
Говорит:
— Да что ты дрожишь, словно тальник?
До сих пор не привык к тайге?
У тайги своя жизнь и свой закон.
Ты в тайге! —
Говорит мне он.

Утро.

Белая тишина.

Белым-бело.

Плечи гор замело.

Деревья стряхивают снег.

Под сгорбленным тальником
Следы убегают вкось.

Мы чай вскипятили.

Мы выпили чай.

Мы оседлали коней.

— Что же было? —

Невзначай

Спрашиваю у него.

— Скажи,

почему фыркает копь

И в сторону берет? —

Амыр камчой стегает коня,

Заставляет идти вперед.

Почему?

Почему на белом снегу

Красный, кровавый снег?

Красный снег на белом снегу.

На красном снегу — марал.

Кто же его растерзал, разодрал?

Я понять не могу.

— Жалко. Жалко красавца гор.

Наверно, мирно дремал.

— Это снежный барс лапу простер, —

Амыр мне отвечал. —

Таков кровавый закон тайги.

Его — не отменить!

Потом Амыр на меня поглядел.
Вздохнул,
Задумался он.
— Не только диких зверей удел
Этот кровавый закон.—
Стояла вечная тишина.
Белый снег. Красный снег.
Была у Амыра нога одна
Такая, как у всех,
И деревяшка вместо другой,
Потерянной в ту войну...
Шапку поправляя рукой,
Слушал я тишину.

САНИ

Трещит мороз, скрипят снега,
звонящим ветром ночь замело.
Люди починают стога.
Саням от сена — ох! — тяжело.

В теплой кошаре спит овца.
Ей снится сон про корма.
Поэтому сани идут без конца,
как ни скрипит зима.

Подковы звенят, стучат, гремят
по льду. Снега все белей.
Сена сладостный аромат
вдыхают ноздри полей.

Вот в такой морозный день
на снежной целине
далеко слышны голоса
в безлюдной тишине.
Кто-то на передних санях
песню затянул.
Звон высоких синих небес
к этой песне примкнул.

Сверкающий след вдоль зимы лежит.
Луна по санному следу бежит.
Саный поезд снега ворошит,
шурша,
подъем берет,
и вместе с ним моя душа
спешит вперед.

**ГРОЗА
НАД ДАЛЕКОЙ
СТОЯНКОЙ**

**Бесконечный дождь
льет, льет,
льет и льет.**

**И позавчера
и вчера он лил,
и сегодня льет,
льет и льет.**

**Над стоянкой небо
тихое какое-то,
серое какое-то.**

А над юртой дым
тоже серый,
потихоньку тянется,
а потом теряется
в сером небе.
Тихий стон грозы
тянется к земле
из глубин небесных.
Под мокрыми деревьями
мокрые коровы.
Жалко их, болезных.
Дождь шуршит,
дождь шелестит,
листья задевая,
травы обмывая.
В юрте на кровати
маленькая девочка
плачет и мечется
не переставая.
Лицо у ней красное.
Огонь в очаге
красный.
Все кругом красное.
— Мама, мама! —
плачет девочка.
Больно ей, страшно ей.

Мать этой девочки — моя сестра —
места себе не находит с утра.
Минутки покоя не находит,
покуда девочка бредит,

то встанет, то сядет,

то из юрты выходит:

— Почему врач не едет? —

На месте минутки не посидит,
все в сторону перевала глядит —
оттуда

из-за тумана

вот-вот должны показаться
верховые.

У девочки — испуганные глаза:

на землю обрушивается гроза.

Гроза стонет
стоном долгим.

Девочка стонет
голосом жалким.

— В целом колхозе нет врача,—
ворчит сестра.

— Почему ты не учился на врача? —
кричит на меня с утра.

Осенняя дорога нелегка.

Гонец, ускакавший за врачом,
с вчерашнего дня не возвращается.

Нависшие над юртой облака —
им, конечно, все нипочем —
сыплют, сыплют дождь и качаются.

— Ветеринаров полно!

Зоотехников полно!

А врача просим давно!

Врача днем с огнем не найдешь!
Сколько ни ждешь — не едет!—
Между тем продолжается дождь.
Девочка бредит.

Во дворе корова мычит,
в небе грома кочуют,
а дворовая собака молчит,
потому что врача не чует.

Тихо,

только в траве и листьях
слышно
шуршанье дождя.

Сестра — растерялась.
То она дочку покачает,
то — на постельку положит,
а дождь свою песню — не кончает,
а девочка больше кричать — не может.

В хмурых горах
над стоянкой далекой —
такой одинокой —
снова и снова
стонет и стонет
небо, покрытое тучами,
снова гремит громами над кручами,
над юртой,
где моя сестра и ее дочка.

МУКИ ЛЮБВИ

Эту девушку
я очень, очень жалел,
всегда за нее болел.
Каждый ее успех
моим успехом был,—
я ее любил.
Но она глаза мне выжгла,
злее огня
ужалила меня.

Желтым, желтым ядом
залила мне грудь.
Как мне эту ношу тянуть?
В глазах, давно виноватых,
не замечал вины
и вдруг признал.
Эти нежные губы
кем-то обожжены.
А я не знал.
Как поздно узнал!
Ласкала меня,
обнимала меня,
как у нас повелось.
Вдруг имя чужое с ее языка,
убивая меня,
сорвалось!..
Кто же я с именем моим?
Она ведь гордилась им
и защищалась им!
Я никому никогда не льстил.
Всегда принимал бой.
Порой был чересчур горяч —
трудно сладить с собой!
Я душу открыть готов свою.
Камня за пазухой не держу.
Голову
в шапке черных волос
за это
хоть завтра положу.
С друзьями дружу.
Всего себя
за них по куску отдам.

Последней спичкой пусть жгут меня,
чтоб их обрадовать вспышкой огня.
Последней пулей

пусть выстрелят мной,
если нужно моим друзьям.
Я не завидовал ничьему
высокому посту.

Признаться,
взобраться и не смогу
на эдакую высоту.

Стальным сверлом хотел я быть,
бурить
толщу невзгод, преград.
Беркутом хотел бы быть.
Как беркут,

умереть на лету
я был бы рад.
Всю жизнь я шел дорогой труда.
Спотыкался иногда.
Падал, снова вставал.
По смолоду выбранному пути
я шел и буду всегда идти!
Ни разу не уставал.

Я эту девушку так жалел,
что ничего для нее не жалел,
все ей отдавал:
всю кровь мою,
все слезы мои,
весь жар моей души.
Она метнула в мои глаза
сноп ледяного огня.

Она не пожалела меня —
ужалила меня.
Яду налила мне в грудь.
Как же мне эту пошу тянуть?
Что ж!
Я факела не закигал,
следов ее не искал.
Ошибки
моих незрелых годов
я понять не сумел.
А если я не уразумел
даже годов ее ход,
как же было мне понять
дней и часов полет?
Тогда какой же я поэт?
Поэт я или нет,
если любимой моей глаза
тайны свои таят
от меня?!

Годы долгие дома родимого я не видал,
Но разбужено сонное сердце мое по весне.
Поезда отбывают в вечерний закат или в дымную даль.
За собою зовут.

Их гудки отдаются тревогой и болью во мне.

Надоело мне слушать веселенький перестук
И внимать на асфальте девичьему каблуку.

Я хочу услышать, как дрожит под кукушкою сук
И гора зеленеет,
Леса зеленеют,
Алтай зеленеет
от такого «ку-ку».

Добрый пахарем я согласился немедля бы стать,
На рассвете по пашне идущим с прохладой в груди,
Или птицей безвестной, но не устающей свистать
На тончайшей из веток,
лесной тишины посреди.

И когда сквозь толпу в городское ущелье иду
И дома, словно скалы, теснятся, мрачны и тихи,
Я кажусь себе мальчиком
в девятьсот далеком году.

Ногрузив свою кладь,
Позабыв меня взять,
На джейлау ушли пастухи.
Слишком долго я не был в местах, где родился и рос.
Но табунными гулами земли гудят,
и заржала весна,

И зеленая травка восстала из сна
И, проклюнув асфальт,
задает мне вопрос:

Ты откуда?
Послушай, откуда же ты?
Поезда отбывают. Трясутся под ними мосты.

**Я ЖДУ УЛЕТЕВШЕГО
БЕЛОГО ЛЕБЕДЯ**

Жеребцы на черте.

Одномастные. Без пятна.

В напряжение орлином.

То касаясь, то не касаясь земли,

они мечут шаги.

А на солнце блестят,

будто смазанные бриолином:

ждут начала байги.

...Выстрел их, словно стрелы, спустил.

Он гремит,

а они полетели,

облака из ноздрей

испуская

и звезду за звездой

ударом копыт

из камней

высекая.

Я догнал их глазами.

Вослед им смотрю,

и в груди

сердце юное

в такт их копытному стуку

колотится.

В мыслях я вместе с ними

лечу вперед, вперед,

кровь крутым кипятком

в каждой жилочке

хорожится...

За четверкою черных лошадей

вижу:

четверо белых лебедей

пролетают на небосклоне.

За четверкою лошадей скачу,

за четверкою лебедей лечу.

Что за лебеди!

Что за кони!

Не четыре лебедя в облаках,

А четыре всадника

ветер сбивают.

И белей не бывает их белых рубах,
лебединей рубах —

не бывает.

Тем алтайским парням

гляжу я вослед.

Каждому — шестнадцать лет.

Ни один

не знает

слова «страх».

Все решили выиграть

скачки в горах...

Далеко-далеко

они ушли —

к горизонту, где небо коснулось земли.

Черные кони

как черные грачи,

а потом почти

как черные точки.

А белые лебеди

как снежинки почти,

как маленькие белые комочки.

...Вдруг как будто черный враг

выстрелил из-за угла и попал —

упал черный грач.

Черный конь упал.

Застонала земля под ним,

охнула.

Что-то в моей груди лопнуло.

Что случилось с тобою?

Где ты, мой брат?

Только что в ушах твоих вестер свистел.
Только что сам черт тебе был не брат —
из седла вылетел,

далеко отлетел.

Далеко отлетел

и свое — отлетал.

Черный конь над тобою встал,
землю нюхает,

фыркает,

ржет над тобой,

над тобой, белым лебедем,

белым лебедем,

бороздившим небосклон голубой.

Как шатается небо

над твоими глазами!

Белый свет

из тебя вытекает

со скупыми твоими слезами.

Все мне чудится: ты не остался

на черной земле,

на зеленой траве,

а, крылами взмахнув,

белым лебедем,

белым лебедем

исчез в синеве.

Белый лебедь,

шестнадцать в тот год тебе было, когда
приключилась беда.

И шестнадцать прошло,

и, не веря в беду,

до сих пор тебя жду,
белый лебедь,
белый лебедь,
белый лебедь.

Вот тогда вернешься и ты,
мой ровесник и брат,
белый лебедь,
белый лебедь.

Во мне угнездилась большая тоска.

Горечь горькую я таскал.

Потому что я сын

маленького народа.

Думалось: переплыву океан,

Прорвусь сквозь волны, ревущие в нем,

Прибуду в чужие города,

Чьи окна залили полмира огнем,

А там посмеются,
а там попрекнут,
При встрече смеряют взглядом косым
Или обидным словом кольнут:
— Ты маленького народа сын,
Зажатого,
затерянного в горах!..

Сегодня я победил этот страх,
С этого дня
Печаль не мучит меня.
Я не смущаюсь,
наоборот,
Горжусь тобой,
Мой маленький, черноголовый народ.
С высоко поднятой головой,
Нации своей не стыдись,
прохожу.

А почему? Сейчас расскажу.
Слушайте, люди!
Сколько алтайцев?
Пятьдесят тысяч.

Мало? Мало, что ни говори,
Но не так уж мало, в конце концов!
Свои у алтайцев богатыри.
Своих среди нас найдешь мудрецов.
А тот, кто сегодня не найдет,
К нам завтра
за мыслью и мощью
придет!

Алтайские девчата,
алтайские ребята,

К вам обращаюсь,
 вам говорю:
Чтобы невидимое увидеть,
Чтобы неслышимое услышать,
Головы выше,
 смелее дерзайте,
Молнией мысли
 мир освещайте!
Если, земляк, есть у тебя, пусть небольшой, талант,
Можешь умножить его стократ, тысячекрат
В дальних дорогах,
 в исканьях больших,
В шелесте многих
 трудных книг.
Только не экономя труды,
 только не бойся беды.
Чтоб не было вовсе страшно тебе,
 чтоб ты сражаться мог,
Черт ли выйдет из-под земли,
С неба ли спустится бог!
А если побежденным падешь
 на родимую землю свою,
Люди скажут:
 он погиб,
 но он погиб в бою.
Знаю попытку — и не одну —
 лодочников-смельчаков
 переплыть
 громыхающие моря.
В синих морях шли ко дну,
 зеленых не увидев берегов,
 но погибали не зря.

И сын простого рыбака
море преодолел на челне,
Чем прославил свой народ
и полюбился мне.
Пусть малой пташкой
родился ты
в тиши горных хребтов —
Стать Как-Кереде,
величайшей из птиц,
ты должен быть готов,
Чтобы врезаться
в скопление звезд,
в глубины земных пластов.
Если ты просто железный нож
в деревянных ножнах бедняка,
Пусть закаляет тебя огонь,
остужает тебя река.
Десятикратно охлаждена
и столько же раз горяча,
Плоть твоя навсегда обретет
силу и прочность меча...

Мир!
Слушай меня и ликуй:
Я не печалюсь,
что мой народ —
маленький народ.
Это бремя я сбросил с плеч
и гордо иду вперед.
Происхождением своим горжусь
и тем, что честно тружусь,

А также тем, что родной земле
наверное пригожусь!
Ищу надежную тропу
среди непролазных троп.
Щупает звездную толпу
глаз моих телескоп.
Среди человечества
я брожу
И человека
в нем нахожу.
Вот неприступный уступ горы загородил зарю.
День проходит —
я бурю.
Ночь наступает — бурю.
И если я проторю пути,
незнакомые до сих пор,
Или слова сумею найти,
проясняющие взор,
Кто же тогда
раскроет рот,
Чтобы сказать,
что мой народ —
маленький народ?

Засыпая, ребенок плачет,
Тихо плачет без слез.
Интересно, что же значит
Этот плач во сне?
То ли он во сне заблудился?
То ли мать во сне ушла?

Засыпая, ребенок плачет.
В самом деле, зачем, почему?

Я не твоя молчаливая тень,
Чтобы всегда за тобой брести.
Мне не всегда с тобой по пути.
Я не твоя молчаливая тень.

Есть мне что сказать самому.
Не надо мне твоего огня,
Есть свой собственный у меня.
И потому

Пусть мой огонь запылал, не зачах —
Есть у меня голова на плечах.

**Знаешь ли, что говорится в народе?
Если журавль подчиняется моде,
Он и на дерево сядет,
С волком же мода не сладит.
Мы же с тобой
 не двух молний обломки —
Доблестных предков потомки.
Слушай же, что говорю тебе я:
— Ты мне не тень,
И не тень тебе я.**

1967

ЧЕРНЫЙ ЩЕНОК,
СТАРИК АТРАШ И Я

I

У меня был маленький черный щенок,
и сам я тогда

был совсем щенком,
когда мой щенок умер в горах
на дальнем стойбище.

Стонал, как ребенок,
дергался

Закрыв глаза

и не открыл.

Конечно, вы знаете, что пастух
ставит юрту в гористой тайге,
в такой таинственной глуши,
что люди редко заходят к нему.
Сын пастуха так одинок!

Не с кем ему

поиграть.

Не с кем ему

поговорить.

Вот почему черный щенок
был единственным другом моим.

День-деньской,

сбиваясь с ног,

мяли тасежные травы с ним.

Я по-собачьи, бывало, брехал.

Он по-людски улыбаться мог.

День-деньской не отдыхал

никто из нас:

ни я, ни щенок.

Были у нас ссоры и свары.

Мы не раз сходились в бою.

Острые зубы в клочья рвали
старенькую

овчинную

шубейку мою.

Щенок рычал,

а я кричал

и от мамы затрещины получал.

Потом на коров мы вместе брехали,
пугали коров кто как мог.
Коровы в ужасе убегали...

Моим единственным другом
был черный щенок.

На охоту мы тоже ходили вдвоем —
добывали бурундука.
Вернемся домой и вместе попьем:
он — молока.
И я — молока.

Однажды старый пьяный Атраш
заночевал у нас.
В ту пору случилось затмение луны:
шайтан утащил куда-то луну.
Деревья были ошеломлены,
шепот гор заклинал тишину.
Старый Атраш внезапно вскочил,
зашептал, забормотал:
— Ложками, чашками надо греметь!
А главное, надо, чтобы лаял пес! —
Потом он руки к небу воздел. —
О, великий наш бог Юлген! — сказал,
в ноги поклонился огню
и замер в молчанье.
Потом Атраш схватил плеть
и начал хлестать щенка.
Черной змеей жалила плеть
черные бока.

Черной молнией била плеть
в черные бока.
Плеть визжит.
Щенок визжит.
Луна из темноты не бежит.
Стонала плеть.
Стонал щенок,
но вызвать луну из туч не мог.
Далеко вопли щенка слышны —
над черной тайгой
нет белой луны.
Я плачу, хочу отбить щенка
у старика,
но тот пинает и топчет щенка,
избивает его,
пока
щенок устал визжать
и перестал визжать.
Кровь из ушей у него пошла,
и стало щенку невмочь...
Я так и не припомню,
взошла ли
луна в ту черную ночь.
Когда я проснулся, блестела роса,
солнце озаряло леса,
птицы пробовали голоса,
лист на ветру дрожал.
Только мой черный друг щенок
не подбежал ко мне,
не смог —
холодный, в крови,
лежал.

Таежная ель хвою свою
сыпала на него,
а он не лаял ничего
и не скулил ничего.
Я обнял черного щенка
и зарыдал над ним.
Я громко проклинал старика,
грозил: — Вот стану большим
и отомщу за своего друга! —
Старик понуро вскочил в седло,
и словно ветром его унесло.
А я еще долго лежал ничком
и плакал над черным щенком.

II

Прошли года.
Сквозь их пургу
пронес я печаль свою.
Но вот на кладбищенском лугу
с земляками стою.
Очень тихо.
Очень холодно.
Очень грустно.
— Атраш большой охотник был,—
шепчутся земляки
и все вспоминают ум и пыл
и меткость его руки.
А я вспоминаю мясной чад:
косую с охоты принес Атраш
и отдал в нашу семью.

Только далекие горы молчат,
думают думу свою.

— Человек умер! —

Вот что они думают.

Заступ звякает о гранит,
земля,

ударяясь о гроб,

гремит.

Нету звуков иных на земле.

Тихо в маленьком нашем селе:

— Человек умер! —

Но травы весенние, треща,
об участи будущей не трепеща
и в почве ходы прорыв,
продолжают прорыв
к солнцу.

Атраш по звериным следам не пойдёт,
и перевалов не перейдет,
и пропастей не обойдет.

Больше он к пастухам не зайдет
выпить алтайской бражки.

Будет земля себя вращать,
будет луна ее освещать,
матери будут детей качать.

И много, много раз луна
будет затмением затемнена,
а старик Атраш

никогда больше

не испугается затмения.

Если дальше вдаль загляну —

внук его сможет слетать на луну,
но не узнает об этом Атраш

и не обрадуется Атраш,
потому что у мертвых не бывает радости.
Если бы он был жив и здоров,
я бы на кладбище не пошел,
я бы в гости к нему пошел,
я бы сел с Атрашем за стол,
и мне никогда бы не вспомнились
черная ночь
и черный щенок.

Вечером не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Детям будет страшно.
Будут плакать всю ночь.
Зимою не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Мерзлую, твердую землю
Тяжко долбить, невмочь.

Утром не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Как же так, вы уйдете,
А солнце взойдет без вас.
Утро — начало дела.
Утро — начало пути.
Как, не закончив работы,
Сможете вы уйти!

Не умирайте, люди, утром, пожалуйста!
И вообще
Никогда,
Никогда не умирайте, люди!

1967

СОДЕРЖАНИЕ

1.

День пастуха	7
Дочь чабана	11
Моя родина	13
«Во сне я много раз умерал...» . .	19
Осенью	22
Жил-был старик	25
«Мама, у каждого человека...» . .	29
«Я падал много раз...»	31
Свети	33

Женщина ждет ребенка	36
Разговор с сердцем	40

2.

Мычит белая корова	45
Темит, Темит...	48
Рассказ охотника	54
Сани	58
Гроза над далекой стоянкой	60
Муки любви	64
«Годы долгие дома родного я не видал...»	68
Я жду улетевшего белого лебедя .	70
«Во мне угнездилась большая то- ска...»	75
«Засыпая, ребенок плачет...» . . .	80
«Я не твоя молчаливая тень...» . .	82
Черный щенок, старик Атраш и я .	84
«Вечером не умирайте...»	91

Укачин Борис Укачинович

ЗЕМЛЯ СИНЕГО НЕБА

М., «Советский писатель», 1970, 96 стр. План выпуска 1970 г. № 278. Редактор Г. Г. Чапчачова. Худож. редактор Е. Ф. Капустин. Техн. редактор А. И. Мордовина. Корректор С. Б. Блауштейн. Сдано в набор 28/X 1969 г. Подписано к печати 19/II 1970 г. А01240. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 3 (4,20). Уч.-изд. л. 2,88. Тираж 9 000 экз. Заказ № 419. Цена 32 коп. Издательство «Советский писатель», Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

20,00

32 год.